

ОКТАБРЬ

В

ИСКУССТВЕ

ИЗДАНИЕ КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ ЛЕНИНГРАД

R 442
253

201-22
11621-0

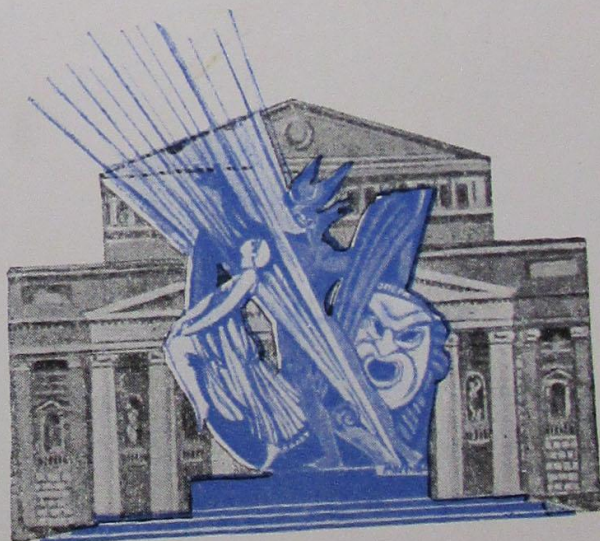
О К Т Я Б Р Ъ

В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

1917 — 1927

А в т о р ы:

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. К. ВОРОНСКИЙ,
Е. М. БРАУДО, Вс. В. ВОИНОВ и Д. М. АРАНОВИЧ

Издание „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“ Ленинград

А. К. ВОРОНСКИЙ

НАША ЛИТЕРАТУРА

безбожность, дерзкую, шалую бесшабашность и жертвенность «Двенадцати», безбрежность их надежд, стихийную взбаламученность, и есть глубокая искренность и горький пафос в предупреждении, которое он бросил старой культуре Запада в «Скифах».

Влияние Блока на позднейшую советскую литературу огромно и не подлежит сомнению. Наша попутническая литература и в поэзии и в прозе до сих пор остается в плену у Блока и не может освободиться от этого плена. От Блока мятели Бор.

Пильняка, его ведьмовское — гвну, гвну, — неославянофильство его «Голого года», мужиковствующая, новонародническая романтика. и если наши попутчики и по сию пору лучше любят видеть и видят стихийные всплески революции и хуже бетон нашей партии, то и в этом они следуют Блоку и разделяют его участь. Влияние Блока на поэзию тоже заметить нетрудно. Пресловутое «хулиганство» Сергея Есенина — не дано ли

Максим Горький
с портрета раб. С. Чехонина

Голос Блока прозвучал в те дни почти одиноко и глухо, так же одиноко и глухо звучали и голоса Есенина и Клюева. С ними не боролись, их вещи не обсуждались, их просто не замечали. На очереди стояли «злобы дня», лозунги, борьба, победы. Нужна была поэзия, которая помогла бы выполнению и разрешению этих неотложных задач. Поэзия должна была спуститься со своих высот, «пойти в народ», в избу, в рабочую околицу, в красноармейскую казарму, в окопы. И здесь на первом месте стоят песни, частушки, сказания, сказки, поэмы, басни, эпиграммы, фельетоны Демьяна Бедного. Простые, нередко грубоватые, но всегда написанные живым, прелепосходным, народным языком, хлесткие и меткие, со смешным, хитроватым, мужицким

оно в «Двенадцати», а его мечтания о преображении космоса, о мужицком рае, о Христе и богоматери — неведут ли они истоков от конца блоковской поэмы? Есенин, как и Блок, ценил и чувствовал стихию революции и, подобно ему, оступился, когда пришла новая и, обоим поэтам казалось, докучная, будничная пора приказов, организации, «мелких дел», когда стихию вздувала крепкая длань коммунистической партии.

юмором, они пришлось как нельзя более во время. Наши зарубежные писатели и внутренние эмигранты в свое время очень негодовали и злопыхательствовали, что вместо поэзии «в совдепии царствует Демьян Бедный», но мы то хорошо знаем, что «по ту сторону баррикад» военные и гражданские практики не раз и не два горькс Демьяна Бедного создали революционные рабочие, крестьяне, красноармейцы, ок

пришелся им «по духу», только ихняя среда и смогла его выдвинуть и никакая иная. Агитационно-пропагандистское значение стихов Демьяна Бедного колоссально. Современный футуризм старается в наши дни, в 26—27 годах, открыть Америку, призывая поэтов к работе в газете, к художественному фельетону, но эта Америка давным давно была уже открыта Демьяном Бедным и при том более своевременно. Утверждение, которое приходилось не раз

Демьян Бедный
с портрета худ. Пастернака

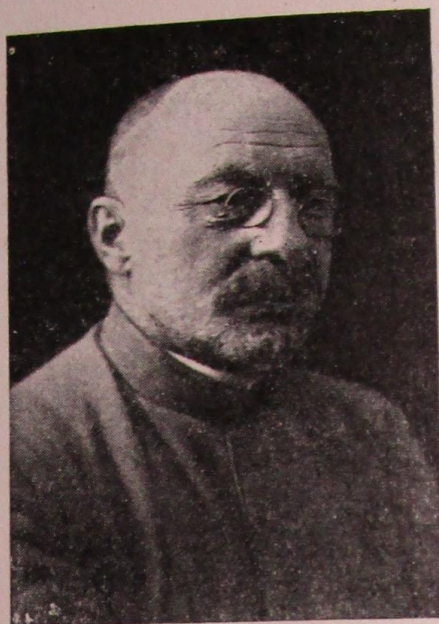
рифме подвижность, напряженность, страстность агитатора-большевика, свободу и непринужденность. Он самобытен и индивидуален.

Одно время «калифом на час» удалось стать нашему футуризму. У футуризма есть известные заслуги, но сторонники футуризма их непомерно преувеличивают. В противовес мистическому символизму, «поэзам» Игоря Северянина, изнеженной бальмонтовщине, футуризм провозгласил примат простых материальных вещей и насущных «земных» потребностей человека. Он объявил войну бессодержательному, безыдейному и внутренне-пустому бытовизму во имя динамики, неутомимого движения вперед, в противовес деревенщине он провозгласил урбанизм, попытался

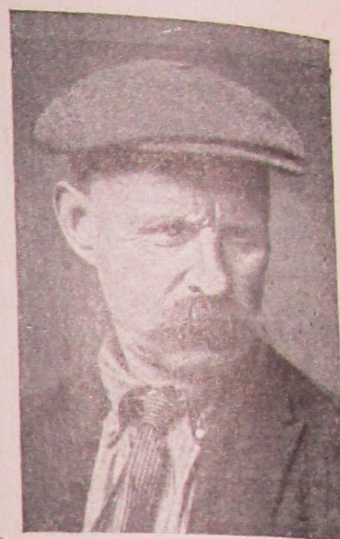
слышать, что поэзия Демьяна Бедного и по содержанию и, в особенности, по форме лишь повторяет Некрасова и Крылова, утверждение во всех отношениях ошибочное. Относительно содержания это и без особых пояснений ясно, но и с формальной стороны Демьян Бедный далеко не так уж прост, как иногда кажется. Он нашел, умело сплавил, сочетал классическую форму стиха с народной частушкой, с песней, со сказкой, придав своей

С. Подъячев

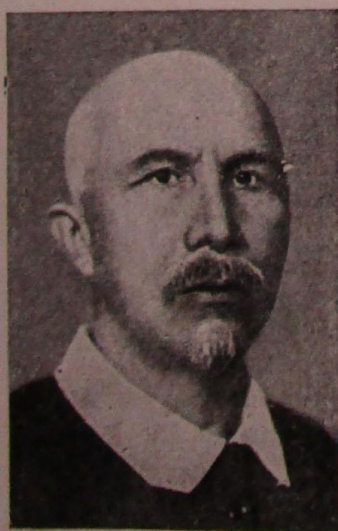

В. Вересаев

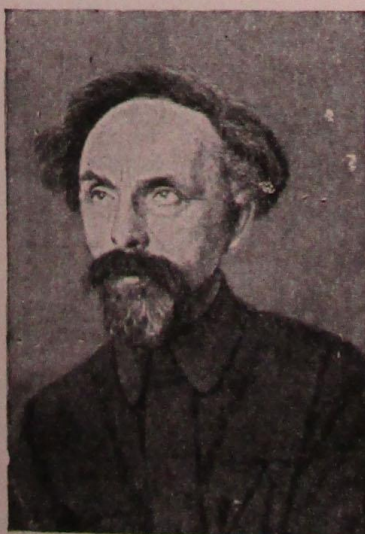

А. Чапыгин

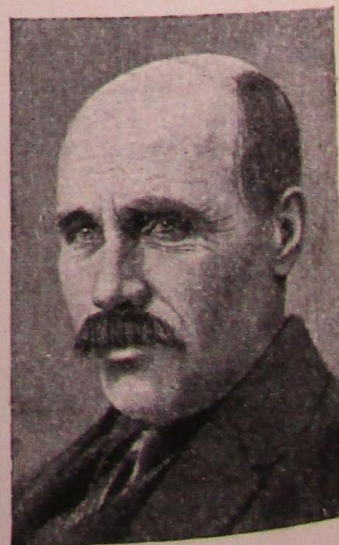
сломать прилизанность, «ручьистость» старого стиха и обновить рифму. Кое-каких результатов футуризм достиг; «вещность» в искусстве оказалась в известном контакте с эпохой, которая поставила своей целью прежде всего удовлетворение самых элементарных потребностей трудового человечества. Реализм Юшкевичей, Скитальцев, Олигеров, Ардыбашевых порядком надоел, так как был лишен целеустремленности, «литургии красоты» явно отжили свое время. Динамичность нового времени требовала и более динамического стиха. Ломанная строка Маяковского, ударность и свежесть рифмы, стремление приспособить стих не к изысканному салону эстетов, а к трибуне, к площади, к митингу — усвоены были позднее и Безыменским, и Уткиным, и целым рядом других поэтов революции. Но футуризму имманентно

А. Серафимович

М. Пришвин

С. Новиков-Прибой

Лариса Рейснер

оказались присущи и свойства, с течением времени все больше и больше мешавшие ему в его развитии. «Вещность» оказалась слишком наивной и примитивной. Социализм Маяковского — не наш марксистский социализм, это скорее социализм литературной богемы, он больше потребительский социализм, чем производственный. Футуризм не понимал и не понимает, что социалистическое общество есть господство новых общественных отношений, а не присвоение «вещей» сборищем разобщенных друг с другом индивидов. Издевки и пренебрежительное отношение к «духовным» культурным ценностям, приобретенным и завоеванным человечеством в прошлом, придавали и придают футуризму характер сомнительного нигилизма и упрощенства, далекого от ленинского коммунизма. Футуристический урбанизм страдал тоже очевидными крайностями, он возвел современный город в некий абсолют, забывая, что задача социализма не в уничтожении деревни, а в слиянии города с деревней. Именно, благодаря крайностям урбанизма футуризм оказался слепым по отношению к нашей деревне и чужд ей; поэтому-то наиболее передовые, революционные слои нашего крестьянства восприняли футуризм, как непонятное и ненужное чудачество. Футуристические новшества нашли здесь свое естественное и законное ограничение. Борьба против безыдейного реализма в искусстве обессиливалась «уклоном», в силу которого всякий быт объявлялся консервативным. И над всем этим довлел и довлеет такой откровенный индивидуализм, такое ячество, такая по сути дела неспособность итти нога в ногу с новым коллективом, при которых совершенно исключалось не только прочное господство футуризма в литературе, но и сколько-нибудь длительное и глубокое влияние его на искусство наших дней.

оказались присущи и свойства, с течением времени все больше и больше мешавшие ему в его развитии. «Вещность» оказалась слишком наивной и примитивной. Социализм Маяковского — не наш марксистский социализм, это скорее социализм литературной богемы, он больше потребительский социализм, чем производственный. Футуризм не понимал и не понимает, что социалистическое общество есть господство новых общественных отношений, а не присвоение «вещей» сборищем разобщенных друг с другом индивидов. Издевки и пренебрежительное отношение к «духовным» культурным ценностям, приобретенным и завоеванным человечеством в прошлом, придавали и придают футуризму характер сомнительного нигилизма и упрощенства, далекого от ленинского коммунизма. Футуристический урбанизм стра-

Сергей Есенин

И. Бабель

Вот почему футуризм «вянет и желтеет» на наших глазах, и чем дальше, тем больше.

По особому жила и существовала в годы гражданской войны поэзия пролеткульта. В те годы революция не строила, не создала, она больше разрушала, защищалась и нападала, а строила и создала лишь в той мере, в какой это нужно было для успешного окончания гражданских битв. В силу этого лозунги нового строительства, организации нового общества: индустриализация, электрификация, уничтожение деревенской косности — оставались лишь лозунгами, они декларировались, но не могли быть воплощены в жизнь. Помимо этого, первые весенние, буйные, наиболее напряженные, беспокойные годы возбуждали неистовую мечтательность, романтизм, безудерж-

ность надежд (наряду с неясностью), особенно в людях, преимущественно эмоционального склада. Немудрено, что пролеткультовское искусство эпохи гражданской войны лишено было конкретности, осязательности. Либо это были призывы стереть «главу змия», победить врагов, голод, разруху, либо это было отвлеченное предвосхищение грядущей индустриализации страны, нового коллективного, трудового сознания. Отсюда — абстрактный новый человек, решительно перестраивающий мир и вселенную, абстрактный коллективизм, расширенный в космическое и тоже отвлеченное мироощущение, отказ от «Я», попытки растворить себя целиком и без изъятия в космосе, — отсюда «индустриализация» не только всех чувств и помыслов человека, но и всей земли, но и всей вселенной, индустриализация столь же всеобъемлющая, сколь и абстрактная, таковы были поэмы и стихи Гастева, Герасимова, Казина, Обрадовича, Кириллова, Александровского. Пролетарская поэзия того времени подчеркнула социальность, коллективную устремленность новых борцов к новым берегам, она предвосхитила и новую строительную эпоху, но сделала она все это в схематической, в общей и слишком отвлеченной форме. Иначе и быть не могло, ибо старый быт тогда ломался, новый быт лишь неясно намечался, восстановительные годы пришли поздней и поздней лозунги индустриализации и электрификации мало-по-малу стали входить в жизнь и становиться действительностью. Что касается теории пролеткульта, то пролеткультовские ошибки в свое время были с достаточной решительностью отмечены еще В. И. Лениным. Теперь это в прошлом.

В. Маяковский

II

В. Казин

Успешное окончание гражданской войны и новая экономическая политика открыли для нашего художественного слова новые горизонты. Стали восстанавливаться типографии, появилась бумага, вместо голодных, уравнильных пайков издательства начали платить гонорары, — люди возвратились к нормальной жизни. Если в годы гражданских боев с невероятными трудностями и далеко не всегда удавалось выпустить тощую книгу стихов, рассказов, то теперь стало возможным издавать литера-

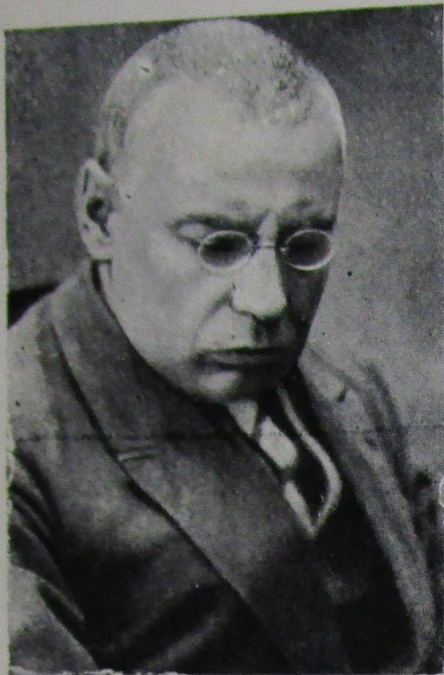
Л. Сейфуллина

турно-художественные журналы, печатать романы, повести, сборники, альманахи. В связи с успехами в области хозяйства начал оформляться и новый быт. Наступила полоса огромного литературного оживления. Прежде всего это оживление коснулось нашей художественной прозы. Впервые за годы революции проза получила возможность заговорить полным голосом. Именно к этому времени относится появление молодых и талантливых писателей-попутчиков: Всев. Иванова, Бор. Пильняка, Конст. Федина, Сейфуллиной, Яковлева, Зоценко, Ник. Никитина, немного позднее Бабеля, Леонова, Завадовского. «Отыскался след Тарасов» и старых дореволюционных писателей: М. Горького, А. Толстого, Мих. Пришвина, В. Вересаева, Сергеева-Ценского, Тренева, Замятина, Шишкова, Никандрова, Клычкова, Романова. Окрепла проза и пролетарского сектора нашей литературы. Раньше и эта проза была представлена небольшой группой писателей: Н. Ляшко, Бессалько, Новиков-Прибой, Низовой, Мих. Волков. Теперь к ним прибавились: Артем Веселый, Федор Гладков, Дм. Фурманов, Ю. Либединский, Фадлев, Никифоров, Тверяк, Никитин, Грабарь и др. Оживление коснулось и поэзии. Со всей силой развернулся чудесный,

И. Уткин

глубоко искренний, но грустный и закатный талант Сергея Есенина; Ник. Тихонов подарил свою свежую и насыщенную революцией «Брагу», вырос в тонкого и интимного лирика Василий Казин, снова стал печататься Пастернак; появилась группа комсомольского молодняка: Безыменский, Уткин, Дорониц, Жаров; образовалась новая группа «Перевала», требующая внутреннего, органи-

А. Воронский

ческого подхода к человеку и к событиям: Губер, Барсуков, Акульшин, Анна Караваяева, Зарудин, Светлов, Голодный, Наседкин, Скуратов, Алтаузен. Недавно к «Перевалу» примкнула группа, если можно так выразиться, прочных спутников революции: Н. Огнев, Ив. Евдокимов, Багрицкий, Рудерман. В настоящей статье нет, разумеется, возможности дать оценку отдельным писателям и их произведениям, наша задача сводится к общим замечаниям, к подведению некоторых итогов.

Каковы же они?

Наша литература, несмотря на заминки, вопреки своим недостаткам, пережила за последние пять-шесть лет полосу большого и несомненного роста, своеобразного ренессанса, который не осмеливаются теперь отрицать и наши враги. Конечно, она все еще уступает по своей глубине, силе, по своему гению, по размаху литературе классиков: наши классики более

долно и совершенно отразили свою эпоху, чем современные писатели отражают нашу эпоху. Но иначе и быть не могло. Наша эпоха сложнее, наш быт находится в процессе оформления, противоречия нашей действительности куда острее, чем противоречия того времени, в какое жили классики. С другой стороны, произошел мучительный перелом в литературной преемственности. Многим признанным мастерам слова революция оказалась не по плечу, одни отошли в сторону, умолкли, другие оказались за рубежом: Андреев, Бунин, Куприн, Шмелев, Мережковский, Бальмонт, не говоря о более второстепенных авторах, были безнадежно и безвозвратно потеряны для молодой революционной литературы. Наряду с этим революция вызвала к жизни и ввела в литературу представителей новых классов, рабочих, крестьян, разночинной интеллигенции, лишенных прежней культуры и лишь с большим упорным трудом, на-спех, урывками к ней приобщавшихся.

За всем тем наши успехи в искусстве бесспорны. У нашей литературы есть свое лицо, есть свои заслуги, есть своеобразие. Они гораздо талантливее, чем многие думают. Скептические замечания приходилось выслушивать нередко: что-то, мол, пишут, а что, кто их знает. Или: «Я современных писателей не знаю и ими не интересуюсь». Такие чисто дилетантские суждения, впро-

В. Брюсов

К. Федин

чем, теперь приходится оспаривать все реже и реже. Наша литература дошла до нового читателя — вот факт, лучше всего подтверждающий успехи современного художественного слова. наших писателей усиленно переводят на иностранные языки и наша литература за последние полтора-два года вытесняет на советском рынке переводную литературу. Нетрудно наметить и типические черты современного художественного слова.

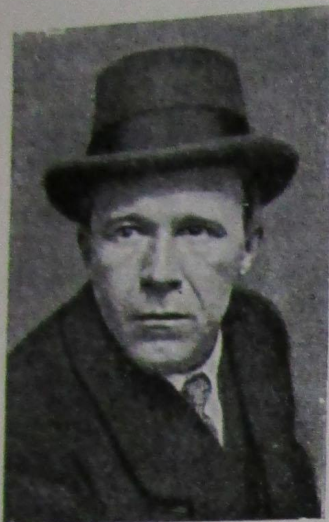
Вс. Иванов

Литература наших дней насыщена общественностью. В противовес узкому крайнему индивидуализму кануна революции, наших писателей и попутчиков и пролетарских художников интересуют исключительно темы общественного порядка: деревня, партизанское движение, гражданская война, коммунисты, восстановление заводов, современная молодежь, теплушки, комбеды, продотряды, переход от гражданской войны к новой экономической политике, новая деревенская буржуазия, наша бедность и некультурность, наши достижения. Даже такие индивидуалисты, как Андрей Белый, Бор. Пильняк, не могут сосредоточиться на узко-индивидуальных темах и занимаются в своих вещах разрешением общественных вопросов. В этом сказалось великое, освежающее и благодетельное дыхание нашей революции. Современные писатели не могут пожаловаться на отсутствие, на недостаток тем, они глядят жадными глазами на мир, на окружающее. Правда, наша литература часто отстает от жизни, часто подходит к общественному нашему бытию слишком внешне, поверхностно. Нашим попутчикам, как уже отмечалось выше, легче и лучше всего удается отражать партизанщину, махновщину, полусы-

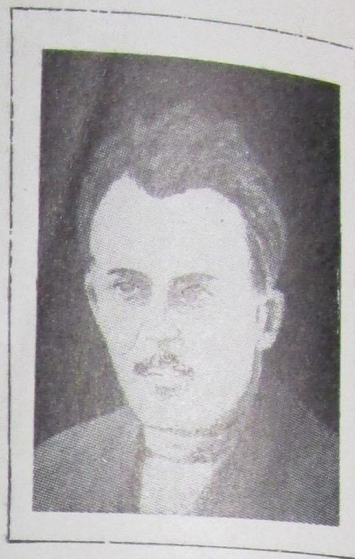
Н. Асеев

рую деревенщину, словом, стихию революции, а наши пролетарские писатели сплошь и рядом грешат наивным бытовизмом, штампом и не могут добраться до середняка-рабочего, — наша лирика тоже иногда не глубока, но все это, надо полагать, в процессе дальнейшего развития «образуется» и уже «образовывается». Во всяком случае наша литература крепка своей социальной устремленностью.

А. Неверов

Современная литература, далее, реалистична не только по своей форме, но и по своему нутру, по своему содержанию. Наши писатели вправе сказать про себя словами Александра Блока: «мы любим плоть». Да, они любят плоть, кровь, мускулы, здоровье, силу. Вместе с Иваном Карамзовым они могут воскликнуть: «центростремительной силы еще страшно много на нашей планете... жить хочется... дороги мне клейкие распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо, дорог иной человек... Тут не ум, не логика, тут

А. Б. Зыменский

нутром, тут чревом любить, первые свои молодые силы любить...» Даже у Есенина эта любовь к клейким карамазовским листочкам, это преклонение пред «неизреченной животностью» остается главной и не покидает его в самые тягостные и мрачные моменты. Современная литература отнюдь не «богоносна», она атеистическая, языческая литература; я сказал бы, что в живописи ей наиболее соответствует фламандская школа. «Излишества натурализма», несдержанность в изображении отношений между мужчиной и женщиной в известной мере объясняются этой «физиологичностью» и «биологичностью» современной советской литературы, этой любовью к плоти. Физиологичны Бабель, Пильняк, Всев. Иванов, Сейфуллина, Ник. Никитин, мещанина нашего времени, если он попытается осудить во имя «плоти» коммунистический «эксперимент», «доктринерство», «мечтательность», оторванную от жизни. Ведь ясно, что и новый мещанин готов провозгласить примат «физиологии» над коммунистическими идеями и посчитать их ахинеей. Торгаш узкопрактичен, он тоже любит «плоть». Тут нам, коммунистам, надобно быть на чеку и не зевать. Нашим

Л. Леонов

писателям, особенно попутнического толка, надобно суметь сочетать «плоть» с «духом», «дерево жизни» с «деревом креста», «кубок жизни» с великим общественным идеализмом. Пока наши «фламандцы» направляют свою жажду жизни против худосочной мистики, дон-кихотов, против старо-интеллигентских утопических пережитков; но есть другие, подозрительные симптомы у того же Пильняка и Никитина и в особенности у Булгакова. В этом отношении более четки, хотя и с оговорками, пролетарские писатели, но их вещи страдают другими недостатками: в них больше стереотипа, трафарета, крикливости, заведомой тенденциозности и нередко желаемое и ожидаемое от революции, не знает, боится ее, когда он изображает «мирные житие» обывателей, читатель чувствует, что его словно ввели в маленькую каюту корабля, но за стенами — шторм, бурно качает, носит по волнам. Какая напряженность, сгущенность настроения в новеллах Бабеля, в рассказах Всева, Иванова, в романах Леонова, Гладкова, в вещах Огнева, Артема Веселого, Малышкина, Фурманова, в стихах Маяковского, Пастернака, Сельвинского,

Н. Тихонов

от революции, не знает, боится ее, когда он изображает «мирные житие» обывателей, читатель чувствует, что его словно ввели в маленькую каюту корабля, но за стенами — шторм, бурно качает, носит по волнам. Какая напряженность, сгущенность настроения в новеллах Бабеля, в рассказах Всева, Иванова, в романах Леонова, Гладкова, в вещах Огнева, Артема Веселого, Малышкина, Фурманова, в стихах Маяковского, Пастернака, Сельвинского,

Наше художественное слово и динамично. В нем есть напряжение, взволнованность. Даже тогда, когда писатель далек

Тихонова, Казина, Безыменского, Светлова! Какая взбаламученность у Пильняка! Как все заострено, неустойчиво и подвижно! Видно, что вещи пишутся и создаются с приподнятой диафрагмой, с сердечными перебоями, с ускоренным пульсом. Стоит только сравнить реализм «Современного Мира», «Русского Богатства», сборников «Знания» с современным неореализмом, чтобы различие бросилось в глаза.

Язык нашей литературы ярок, цветист, изобретателен, живописен и конкретен. Сгущенность образов, эпитетов иногда даже чрезмерна, излишне имажинистична. Впрочем, за последнее время наши молодые писатели все больше и больше тяготеют к классической гладкости и простоте. Но выразительности, звукописи, конкретности в языке и теперь уделяется много внимания. Достаточно упомянуть Бабеля, Артема

Артем Веселый

Веселого, Всев. Иванова, Леонова. Большим влиянием пользуется до сих пор сказ. Лесков, Ремизов, Замятин, несомненно, продолжают оказывать свое воздействие на значительную часть писателей. Благоприятно действует на многих живой, богатый, сильный народный язык деревни, рабочих предместий. Наш язык демократизируется. Не случайно появление таких исключительно-красочных и необычайных по языку произведений, как «Чартухинский балакирев» и «Сахарный немец» Сергея Клычкова, где народный сказ обогащен тонким лирическим чувством и дан в каком-то своеобразном приближении к Гоголю. Это — ювелирная работа настоящего мастера. В языке революция основательно вытравливает отвличенность, сухость, вялую гладкость, суковность и небрежность старого доброго интеллигентского времени.

Не надо преувеличивать и забывать и о недостатках. Стремление к выпуклой изобразительности, к живописности, к освежению языка нередко заслоняет собою не менее важные в искусстве задачи. Наша литература недостаточно психологична, а психология ее нередко слишком и узко рационалистична, советские писатели сплошь и рядом скользят по поверхности там, где должно быть проявлено более глубокое, внутреннее отношение к изображаемым людям и событиям. Есть этот недостаток и в прозе и в поэзии, и, пожалуй, в поэзии больше, чем в прозе. Исключением является лирика Есенина, Какина. Впрочем, и пролетарская поэзия в лице Безыменского, Уткина, Обрадовича, Светлова, Зарудина, Дементьева начинает все больше и чаще заниматься внутренним миром нового человека. В прозе этот перелом намечался более отчетливо. На старых позициях пытаются удержаться футуризм, но не даром влияние его на читателя и на писателя падает с каждым днем и катастрофически.

Нам не хватает также больших характеров, типов в литературе, способности возвести жизненное явление «в перл создания». Это нелегко; наш быт свеж, нов и неустойчив, но, может быть, следует нам умерить погоню за языковыми новшествами и больше внимания уделить, вслед за классиками, синтезу. «Герой нашего времени» еще не воссоздан, а только неясно намечен.

Кстати, следует прибавить, за эти годы выяснилось, что футуризм в прозе оказался бесплодным, как евангельская смоковница. Попытки прописать по своему ведомству Бабеля и Артема Веселого не заслуживают серьезного отношения. Бесплодие футуристов в прозе не случайно; в большой степени

Ф. Gladkov

им мешал и мешает взгляд, что всякий быт консервативен и что задача искусства сводится не к воплощению и изображению действительности, а к построению будущего, как-будто одно несовместимо с другим.

Несмотря на наличие многих общих черт, в совершенном словесном искусстве наметились две основных группировки: попутчики и пролетарские писатели. Первые отражают настроения, чувства мысли выходцев, детей старой дореволюционной интеллигенции; специалистов, советских служащих, учительской массы, — наконец, среднего крестьянства. Вместе с писателями прежнего поколения, с Толстым, с Пришвиным, с Чапыгиным, с Вересаевым, с Романовым эта группа, наиболее опытная в литературном мастерстве, еще далеко не занявшая определенных и ясных позиций по отношению к современной практике коммунизма, но тем не менее в высшей степени нужная, полезная и культурная. Группа пролетарских писателей уступает попутчикам в качестве художественной продукции, но более четка идейно, и она, правда, с перебоями, растет и крепнет и находит все более прочную дорогу к читателю. Разумеется, такое деление в жизни часто бывает условно и подвижно, но оно все-таки отражает, в конечном счете, разные классовые группировки в нашей

Дм. Фурманов

кость рисунка, за пушкинский язык, но едва ли увлекает его холодный фатализм, неверие в человека, его мистицизм. Вообще же литература эмиграции на явном ущербе: Куприн молчит, Шмелев пишет на нас злобные и неумные пасквили, Мережковский скучен, Чириков плох и совсем выдохся; из «молодых» интересен Алданов (Ландау). Урожай тут небогатый.

Отношения между попутчиками и пролетарскими писателями не всегда нормальны, хотя и те и другие не только печатаются рядом, но часто и работают в одних и тех же писательских организациях. Делу более тесного сожительства вредит заушательство, комчванство критиков и писателей из журнала «На литературном посту», высокомерие, кичливость своим мастерством, недоверие к силам пролетариата со стороны некоторых, но, конечно, отнюдь не всех, попутчиков. Надо полагать, что с успехами в социалистическом строительстве, с ростом нового быта эти различия все больше и больше будут сглаживаться и наши писатели все дружнее будут сливаться в одну товарищескую семью.

Наша советская литература еще очень молода. Средний возраст прозаиков, выдвинувшихся после Октября, 28—32 года, а для поэтов и того менее. Это очень молодой возраст: наши писатели еще не достигли той зрелости, когда талант расцветает вполне. Но прав один старый, опытный писатель, обмолвившийся по адресу наших молодых художников слова:

— Они начинают лучше, чем мы в свое время. Им принадлежит большое будущее.

Думается, в этих словах нет преувеличения.

